

Gallagher C., S. J. Church Law and Church Order in Rome and Byzantium: A Comparative Study. Aldershot: Ashgate, 2002. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs; Vol. 8). XII, 279 p. (Галлахер К. Церковное право и церковное устройство в Риме и Византии: Сравнительное исследование. Алдершот, 2002. XII, 279 с.)

Монография проф. К. Галлахера (далее — К. Г.), бывшего ректора Папского Восточного института (Рим), основана на цикле лекций, прочитанных им в 1997 г. в Оксфорде. Ее название в целом соответствует содержанию: в своей работе автор стремится показать сходства и различия в правовых традициях Западной и Восточной (Византийской) Церковей — как до 1054 года, так и позднее¹. Для этого он проводит сравнительный анализ нескольких важнейших памятников церковного права; сопоставляются такие источники, как Дионисиана (сборник Дионисия Малого) и Синагога 50 титулов Иоанна Схоластика (гл. 1), Номоканон 14 титулов (в редакции 883 г.) и Лжеисидоровы декреталии (гл. 2), Декрет Грациана и комментарии Феодора Вальсамона к Номоканону (гл. 4, 5). В гл. 3 обозреваются первые славянские переводы греческих церковно-правовых сборников, связанные с именем св. равноапостольного Мефодия². Особняком стоит последняя, шестая глава книги, где речь идет о сирийских канонических сборниках Бар Эбрея и Абдишо Нисибийского (XIII–XIV вв.). Интересная сама по себе, данная глава явно выходит за рамки работы, заданные в названии, и не будет рассматриваться в рецензии.

Как подчеркивает автор, предпринятое им исследование канонических памятников освещает только одну сторону церковной жизни (р. IX, см. также р. 62). С этим нельзя не согласиться, ведь *законодательство* — это лишь один из элементов любой правовой системы. Поэтому хочется надеяться, что в дальнейшем появятся компаративные труды, посвященные юридической *практике* и *правосознанию* христианских Церквей в рассмотренный К. Г. период³.

С другой стороны, рецензируемая книга отнюдь не представляет собой отвлеченный формально-юридический анализ источников. Для методике К. Г. характерно

¹ Ранее К. Г. уже обращался к сравнительно-правовой проблематике, сделав доклад о методах работы Грациана и Вальсамона (*Gallagher C., S. J. Gratian and Theodore Balsamon: Two twelfth-century canonistic methods compared // Το Βυζάντιο κατά τὸν 12^ο αἰῶνα: Κανονικὸ δίκαιο, κράτος καὶ κοινωνία /* Εκδ. Ν. Οἰκονομίδης. Ἀθήνα, 1991. Σ. 61–89).

² В приложениях даются английские переводы оглавлений некоторых канонических сборников, рассмотренных в книге. В приложении 1 переведен указатель титулов (τίτλων κατάστασις) Синагоги Иоанна Схоластика. Для каждого титула приводится перечень входящих в него канонов; также указывается, какие каноны включены в соответствующий титул в славянском переводе Синагоги (р. 237–258). Переводы К. Г. являются достаточно точными. Правда, непонятно, зачем они продублированы (без перечней канонов) в основном тексте книги (р. 23–25). В приложении 2 помещено оглавление первой (систематической) части Номоканона XIV титулов — сокращенный перевод названий титулов с указанием количества глав в каждом титуле (р. 259), а в приложении 3 — перечень серий канонов во второй (хронологической) части Номоканона; для каждого Собора указывается количество канонов в соответствии с нумерацией в издании Ралли–Потли (р. 260–261). В приложении 4 содержится перевод оглавления Декрета Грациана (р. 262–263).

³ В качестве примера работ такого типа можно назвать небольшую статью о семейном праве: *Šarkić S. The Concept of Marriage in Roman, Byzantine and Serbian Mediaeval Law // Zbornik radova Vizantološkog instituta. № 41. 2004. С. 99–103.*

то, что история церковного права рассматривается им сквозь призму биографий выдающихся канонистов, сборники которых он изучает (р. VII). Эти биографии помещаются автором в широкий исторический контекст. Так, описание деятельности Дионисия Малого начинается с характеристики христологических споров на рубеже V–VI вв. и упадка греческой культуры в Риме; рассказ об Иоанне Схоластике предваряется очерком правления Юстиниана и его кодификации; анализу Лжеисидоровых декреталий предпослан параграф о положении Церкви во франкских королевствах в IX веке, и т. д.

Византийские и западные церковно-правовые сборники сравниваются по трем параметрам. К. Г. рассматривает, как содержащиеся в сборниках нормы регулируют 1) статус высших органов церковной власти, 2) жизнь клириков (а именно — вопрос о celibate) и 3) брачные правоотношения мирян (главным образом, развод и заключение второго брака) (р. X). Лейтмотив работы К. Г. звучит уже в предисловии, где о жизни древней Церкви говорится так: «...Единство в вере не влекло за собой единообразия в дисциплине. Многообразие в единстве было допустимо» (р. VIII). В связи с этим отраднo видеть, что в книге нет конфессиональной ангажированности; напротив, К. Г. старается проявлять максимально возможную объективность и научную добросовестность. Он, например, не пытается доказывать существование папского примата власти (а не цести) даже в IX в. (р. 79), не говоря уже о более ранних временах; признает, что вплоть до IV в. не было правовых норм о необходимости celibata клириков и женатое духовенство (включая епископов) считалось нормальным явлением (р. 67); относит составление Апостольских правил к кон. IV в. (а не ко временам апостолов), но указывает, что они в основном отражают раннехристианские обычаи (р. 11).

Из библиографии (р. 264–276, см. также р. XI) видно, что К. Г. пользуется наиболее качественными из имеющихся на сегодняшний день изданиями источников (за исключением «Древнеславянской кормчей» В. Н. Бенешевича), хотя не все они являются критическими. Так, Дионисиана цитируется по перепечатанной в PL устаревшей публикации Хр. Жюстеля, но это вызвано тем, что современное научное издание А. Штреве содержит только первую редакцию сборника Дионисия, тогда как в работе К. Г. рассматривается вторая (дополненная) редакция, получившая в Средние века наибольшее распространение (р. 10, note 3; р. 11). Именно вторая редакция издана Жюстелем, и эта публикация пока ничем не заменена.

Обратимся теперь к основной части книги. Материал гл. 1, 2, 4 и 5 показывает, как на протяжении нескольких веков пути развития византийского и западного церковного законодательства расходились все больше и больше. Из Дионисианы и Синагоги видно, что уже в VI в. при сохранении догматического единства Византийской и Римской Церквю намечались определенные различия в их правовых системах. На Западе постепенно утверждалась централизованная организация Церкви при монархической власти папы; в Византии высшая церковная власть в значительной мере принадлежала императору. Вопрос о celibate клириков еще не был разрешен принципиально, но в некоторых папских декреталиях, включенных Дионисием в свой сборник, клирикам рекомендуется воздержание от супружеской жизни; в Византии же считалось, что духовенство может быть женатым. Допустимость же разводов и повторных браков пока еще не была законодательно урегулирована ни на Востоке, ни на Западе (р. 35–36).

К. Г. поддерживает интересную гипотезу Ж. Рембо, согласно которой Дионисий Малый выступал своего рода посредником в церковных отношениях Византии и Запада и именно поэтому переводил богословскую и каноническую литературу с греческого языка на латинский. Показательно в этом отношении, что в Дионисиане опущены некоторые каноны (напр., IV Всел. 28), бывшие предметом серьезных разногласий между Церквами (р. 15). Как известно, Дионисий, составляя свой правовой сборник, не ограничился переводом канонов с греческого языка, а присоединил к ним каноны Сердикского и Карфагенских Соборов, написанные на латыни, и 38 папских декреталий. Возможно, что Иоанн Схоластик добавил в Синагогу в качестве канонов два послания свт. Василия Великого, ориентируясь на Дионисиану с папскими декреталиями (р. 25).

Как отмечает К. Г., Лжеисидоровы декреталии и Номоканон 14 титулов в редакции 883 г. по своим источникам и содержанию явились логическим продолжением соответственно Дионисианы и Синагоги 50 титулов (р. 59)⁴. Появление этих сборников свидетельствовало о нарастании качественных правовых различий между двумя частями пока еще единой Церкви; в основе таких различий лежало разное понимание церковной власти (р. 59–60). Это наблюдение заставляет вспомнить слова В. Н. Бенешевича о том, что 883 г., когда была создана новая редакция Номоканона, стал годом разделения Церквей «с точки зрения истории церковного права»⁵. Лжеисидоровы декреталии предполагают централизованную папскую власть и отстранение светских правителей от участия в руководстве Церковью. Номоканон же предусматривал коллегиальное управление Церковью (патриарх и синод епископов) и признание важной роли императора в церковных делах. Что касается celibата клириков, то в Лжеисидоровых декреталиях имеется много канонов западных Поместных Соборов, которые предписывают клирикам соблюдать воздержание под угрозой лишения сана (женщины же, сожительствовавшие с клириками, и родившиеся в результате их связи дети вообще должны были обращаться в рабство). В Византии бытовало мнение о пользе воздержания для духовенства, но церковное законодательство, как следует из Номоканона, однозначно разрешало рукополагать женатых людей и не требовало от священнослужителей (кроме епископов) разлучения с женами. Наконец, в Византии разрешался развод по различным основаниям и повторный брак; на Западе возобладала идея полного запрещения таких действий (хотя отдельные Поместные Соборы и позволяли развод и второй брак).

Декрет Грациана и комментарии Вальсамона отражают углубление отличий правовых систем в принципиально новой ситуации — после разделения единой Церкви (при этом, однако, Грациан в значительной мере использовал каноны Православной Церкви при составлении Декрета: р. 146–147). Грациан отстаивает идею примата папы как высшей законодательной, административной и судебной

⁴ К. Г. указывает, что включение святоотеческих текстов в качестве канонов в номоканонические сборники стало важным шагом в развитии церковного права Византии, а отчасти и Запада, если принять во внимание многочисленные выдержки из св. отцов в Декрете Грациана. Возможно (здесь К. Г. ссылается на Ш. Деклерка), что такая идея зародилась в Александрийской Церкви, где были в ходу сборники патриарших посланий. Такая гипотеза хорошо согласуется с тем фактом, что из 12-ти отцов, фрагменты сочинений которых были включены в Номоканон 14 титулов, шесть являлись Александрийскими архиепископами (р. 39).

⁵ Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г.: К древнейшей истории права греко-византийской Церкви. Спб., 1905 (Lpz., 1974¹). С. VIII–IX.

власти в пределах всей Церкви. Впрочем, эта власть не абсолютна: папские декреты не должны противоречить Св. Писанию и творениям св. отцов; папа подлежит суду в случае, если он впадет в ересь (р. 126–134). Грациан включил в Декрет много правовых норм, предусматривающих целибат духовенства. Он считал, что воздержание позволяет клирикам полностью посвятить себя служению Богу; наряду с этим Грациан упоминал, что в Восточной Церкви всегда существовало женатое духовенство, и не давал отрицательной оценки этому факту (р. 150). Грациан полагал, что для заключения брака необходимо и свободное согласие сторон на супружескую жизнь, и его консумация (т. е. начало половой жизни супругов); тем самым он сумел объединить две противоположные точки зрения на природу брака, существовавшие в западной церковной юриспруденции. После консумации брак, по Грациану, не может быть расторгнут, а до нее — может (р. 139–144).

Между сборниками Вальсамона и Грациана существовали как формальные, так и содержательные различия. Первые были связаны с тем, что Грациан самостоятельно создавал совершенно новый правовой свод⁶, тогда как Вальсамон опирался на уже существовавший Номоканон 14 титулов, комментируя и дополняя его. Содержательные особенности сборников обусловлены прежде всего различными эклезиологическими взглядами составителей (р. 159). Для Вальсамона были важны роль императора в управлении Церковью и концепция пентархии. Император, согласно Вальсамону, в своей деятельности не был связан ни законами, ни канонами, имея право в исключительных случаях поступать вопреки им. Ограничение власти императора в Церкви состояло лишь в невозможности решать догматические вопросы (р. 161). Декрет же Грациана, составленный вскоре после подписания Вормского конкордата 1122 года, завершившего борьбу за инвеституру⁷, вообще не предусматривал участия светских правителей в церковных делах (р. 164). Рассматривая пентархию как идеальную модель церковной власти, Вальсамон полностью отверг теорию папского примата в том виде, как она изложена у Грациана (р. 166). По вопросу о целибате Вальсамон придерживается традиционных

⁶ К. Г. подчеркивает, что Грациан стал первым на Западе систематизатором канонического права (р. 122). Необходимо уточнить, что в рамках российской юридической терминологии следует считать систематизацией (а более конкретно — инкорпорацией) права также и предшествующие Декрету памятники, начиная с Дионисианы; качественно новый уровень сборника Грациана нужно, видимо, обозначить с помощью термина «кодификация» — при всей его неоднозначности. О различном понимании этого термина см.: *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с франц. М., 2007 (особенно с. 95–109).

⁷ Инвеститура (лат. investitura) — церемония символической передачи имущественных прав и властных полномочий. Возникла в раннесредневековом германском праве; упоминания о ней встречаются в «варварских правдах». С развитием феодализма инвеститура стала формой, посредством которой сеньор вводил вассалов во владение феодами. Поскольку католические епископы в этот период тоже становятся феодалами, получила развитие церковная инвеститура, состоявшая в том, что светские правители утверждали в должности епископов, вручая им знаки духовной (посох и перстень) и светской (скипетр) власти. Борьбой за инвеституру называется конфликт между римскими папами и германскими императорами по поводу права назначения епископов во 2-й пол. XI — нач. XII вв. Менее остро аналогичный конфликт протекал в Англии, Франции и др. европейских государствах в это же время. Борьба за инвеституру стала одним из проявлений общего противоборства церковной и светской властей в средневековой Западной Европе. Согласно Вормскому конкордату, закрепившему принципиальные итоги борьбы за инвеституру, императоры утратили право духовной инвеституры и гарантировали свободу избрания епископов. Право светской инвеституры, т. е. наделения епископов феодальными правами, сохранилось за императорами.

для Византии взглядов. При этом запрет епископам жить с женами (Трул. 12) и его противоречие более ранним каноническим нормам (Апост. 5) Вальсамон объясняет так же, как Иоанн Зонара: по мере христианизации общества нравственные требования к христианам повышаются и потому, в частности, теперь от архиереев требуется более возвышенный образ жизни — безбрачие (р. 178). Позиция Вальсамона в отношении развода также характерна для византийской юриспруденции: в целом развод и повторный брак запрещены, но при наличии определенных законом серьезных оснований (прелюбодеяние и др.) развод допускается в судебном порядке, после чего возможно вступление во второй брак (р. 181).

Материал источников дает К. Г. возможность делать и более широкие наблюдения. Интересно, например, замечание автора о том, что в IV–V вв. основной вклад в развитие церковного законодательства вносили Поместные Соборы (преимущественно в Восточной Римской империи), а не Вселенские (р. 35). Основываясь на анализе творчества Грациана и Вальсамона, К. Г. показывает, что деятельность ученых-канонистов не является чисто теоретической — она непосредственно влияет на повседневную жизнь Церкви (р. 184). Эта неразрывная связь академической науки и социальной практики, добавим мы, присуща юриспруденции в целом.

Как пишет К. Г., Дионисиана и Синагога 50 титулов были созданы в разных частях единой Церкви, но «разделяя одну и ту же веру во Христа и Его Тайнства, они воплотили различные взгляды на то, какова должна быть внешняя сторона Церкви (ее управление и дисциплина)» (р. 36). В связи с этим возникает вытекает следующая проблема: если существенные правовые различия возможны и допустимы в границах Церкви, то в чем *причины* этих различий? В неодинаковых социально-экономических, политических и культурных условиях, в которых существуют разные Поместные Церкви, — так отвечает К. Г. на подобный вопрос в другом месте монографии (р. 84). Рецензируемая работа являет собой хороший пример того, как учет данных условий способствует сравнительному исследованию церковно-правовых систем. В книге, например, достаточно четко показано, что создатель Лжеисидоровых декреталий стремился решить при помощи своего сборника определенные социально-политические задачи, в частности, ограничить вмешательство светских феодалов в церковные дела (р. 56–57), непосредственно связанные с особенностями церковной жизни на Западе при Каролингах. Говоря о безбрачии духовенства, К. Г. указывает, помимо аскетических мотивов, иные причины, побуждавшие римских пап бороться за повсеместное проведение в жизнь правил о celibate, в том числе причины экономические: например, женатые клирики могли бы передавать по наследству своим детям церковные бенефиции, которые тем самым изымались бы из состава церковной собственности (р. 138).

Однако исследование К. Г. не лишено недостатков⁸. Так, включение в монографию гл. 3 представляется нам не совсем оправданным. Сам К. Г. пишет, что переводы правовых сборников, сделанные св. Мефодием, положили начало рецепции в славянских странах византийского церковного законодательства (р. 112). Западные же сборники и папские декреталии практически не повлияли на Мефодия. Таким образом, в гл. 3 отсутствует сравнительно-правовой подход,

⁸ Ср. рецензию на книгу К. Г., написанную Н. Теннером (JThS. Vol. 54 (1). 2003. P. 359–362), где отсутствуют какие-либо критические замечания.

на котором строится вся монография. По поводу гл. 5 напрашивается вопрос: не более ли логично было бы сопоставить Грациана не с Вальсамоном, а с Иоанном Зонарой, который в книге лишь упоминается мимоходом? Зонара, как и Грациан, работал в основном с источниками права внутрицерковного происхождения, не обращаясь систематически к светскому законодательству. Комментарии Зонары были неофициальным сборником; этим они отличаются от толкований Вальсамона и схожи с Декретом Грациана.

В работе К. Г. встречаются также ошибочные или неточные сведения об источниках. Например, в книге не сказано прямо, когда Иоанн Схоластик составил *Collectio 87 capitulorum* (собрание выдержек из государственного законодательства по церковным делам), но можно понять, что, по мнению автора, этот сборник был составлен Иоанном во время его патриаршества (р. 21, ср.: р. 22). В действительности Иоанн подготовил этот сборник в 87 главах еще в антиохийский период своей жизни, т. е. до кон. 40-х гг. VI века, а затем в промежутке между октябрём 565 г. и 14 сентября 566 г. написал предисловие к нему⁹. Нельзя согласиться с «атрибуцией» Синтагмы 14 титулов «неизвестному канонисту» (р. 38). На самом деле Синтагму составил ок. 580 г. свт. Евтихий Константинопольский, а впоследствии свт. Иоанн Постник доработал ее¹⁰. Утверждение К. Г. о том, что термин «номоканон» стал использоваться лишь в XI в. (р. 40, п. 8), нуждается в уточнении. Слово «νομόκανων» встречается уже у прп. Феодора Студита, но только с XI в. оно закрепляется в качестве названия сборника, который известен сейчас как Номоканон 14 титулов. С другой стороны, и до и после XI в. данное слово использовалось и для обозначения иных видов церковно-юридических сборников¹¹. Неясно, почему К. Г. датирует второе издание Номоканона 14 титулов, принадлежащее, по всей видимости, свт. Фотию Константинопольскому, 882 г. вместо 883 г. (р. 44 et passim). Общепринятая датировка основана на том, что в конце второго предисловия к Номоканону его автор указывает год написания — 6391 от сотворения мира¹², который согласно константинопольской эре соответствует 883 г. после Р. Х. Описывая Лжеисидоровы декреталии, К. Г. не упоминает о существовании двух редакций этого памятника, краткой и пространной, и пишет лишь о составе пространной редакции (р. 52–53). При характеристике «Закона судного людем» (р. 106–107) К. Г. не уточняет, что речь идет о краткой редакции памятника (две другие, пространная и сводная, представляют собой переработку краткой редакции на русской почве в XIII — нач. XV века¹³). При этом К. Г., упомянув о «болгарской» и «моравской» теориях происхождения «Закона судного», ничего не говорит о «македонской» теории, созданной С. В. Троицким. Историографический анализ всех этих теорий был недавно выполнен

⁹ Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914 (Lpz., 1972). С. 288–292.

¹⁰ Основная работа по этому вопросу: Honigmann E. Le concile de Constantinople de 394 et les auteurs du «Syntagma des XIV titres» // Trois mémoires posthumes d'histoire et de géographie de l'Orient Chrétien. Bruxelles, 1961. P. 48–64. (Subsidia hagiographica; 35). См. также: СРГ. 7556.

¹¹ Подробнее об истории слова «номоканон» см.: Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов. С. 105–113.

¹² Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων... / Εκδ. ὑπὸ Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τ. 1. Αθήναι, 1852 (1966^ε, 1992^ε). Σ. 9.

¹³ Максимович К. А. **ЗАКОНЪ СУДЪНЪИЪ ЛЮДЪМЪ**. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 6.

К. А. Максимовичем, который также обосновал собственную (синтетическую) теорию о том, что «Закон судный» возник в Моравии, но был составлен св. Мефодием, а не его братом св. Кириллом, как полагают сторонники «моравской» теории¹⁴.

Стоит сказать и об одной ошибке К. Г., не относящейся к области источниковедения. Отмечая, что в католическом богословии и каноническом праве совершителями таинства Брака традиционно считаются сами брачующиеся, К. Г. утверждает, будто в Византии совершителем этого Таинства признавался священник и потому «без его благословения Таинство не могло совершиться» (р. 74). (Автор даже пытается доказать, что аналогичное мнение было распространено и на средневековом Западе, ссылаясь при этом на богословов XVI и XVIII (!) вв.) Фактически приравнивая, таким образом, таинство Брака к чинопоследованию венчания, К. Г. противоречит сам себе, поскольку страницей выше он пишет, что в Византии церковная форма заключения брака стала обязательной только в X веке, причем на основании императорского закона (добавим от себя, что данный закон распространялся лишь на свободных людей; обязательное венчание браков рабов было введено только в XI веке¹⁵).

Будучи в курсе западной научной литературы по рассматриваемым вопросам¹⁶, К. Г. не включил в библиографию русскоязычные исследования (кроме одной статьи С. В. Троицкого¹⁷), которых существует немало. В качестве примеров можно привести монографию В. А. Нарбекова о Вальсамоне и его комментированный перевод Номоканона 14 титулов¹⁸, фундаментальные труды В. Н. Бенешевича о Номоканоне 14 титулов и Синагоге¹⁹, работы Я. Н. Щапова о славянских переводах византийских юридических сборников²⁰ и др. Кроме того, проблематика 3-й главы рецензируемой книги в последние годы была детально изучена К. А. Максимовичем, который в 2007 г. защитил докторскую диссертацию по данной теме²¹. Поэтому указанную главу надо читать с учетом новых выводов К. Максимовича. В частности, К. Г. датирует так называемый Номоканон

¹⁴ См.: Максимович К. А. Древнейший памятник славянского права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, проблема авторства // ВВ. Т. 61 (86). 2002. С. 24–37.

¹⁵ Nov. Alexii Comneni 35, 2 // Jus graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Pars 3: Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt. Lipsiae, 1857. P. 403.

¹⁶ В библиографии не упомянуто, однако, важное исследование А. Лайу: *Laiou A. E. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe–XIIIe siècles*. P., 1992. (Travaux et mémoires. Monographies; 7).

¹⁷ Но даже она, как отмечает К. Г., была недоступна ему: он лишь излагает аргументы С. В. Троицкого из вторых рук — по полемической статье И. Жужека (р. 98, п. 45). Вне поля зрения автора остались несколько важных работ этого канониста, в частности: *Троицкий С. В.* Св. Мефодий как славянский законодатель // БТ. № 2. 1961. С. 83–142.

¹⁸ Нарбеков В. [А.] Толкование Вальсамона на Номоканон Фотия. Казань, 1889; *он же*. Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона: В 2 ч. Ч. 1: Ист.-канонич. исследование; Ч. 2: Рус. пер. с предисл. и примеч. Казань, 1899.

¹⁹ Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов; *он же*. Синагога в 50 титулов.

²⁰ См., напр.: Щапов Я. Н. Номоканон Иоанна Схоластика и Синтагма 14 титулов у славян в IX–X вв. // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jahrhundert* / Hrsg. v. V. Vavřínek. Praha, 1978. S. 387–421; *он же*. Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Н. Бенешевича // *Klio: Beiträge zur alten Geschichte*. Bd. 61. 1979. H. 1. S. 235–242; *он же*. «Номоканон» Мефодия в Великой Моравии и на Руси // *Великая Моравия: Ее ист. и культурн. значение* / Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 238–253.

²¹ Максимович К. А. Пannonские юридические памятники в древнерусской книжности: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007 (с. 38–43 — публикации автора по теме работы).

Мефодия 883 годом, ссылаясь на монографию Х. К. Папастатиса (р. 100, 109)²², Максимович же на основании лингвистических данных датировал этот памятник 870–875 годами²³.

Оценивая работу К. Г. в целом, можно сказать, что перед нами — добротное исследование, сочетающее научный характер с популярным стилем. На основании источников и современной научной литературы автор знакомит читателя с важными вехами в развитии церковного законодательства в Византии и на Западе как до, так и после разделения Церквей. В книге встречаются неточности (в основном, источниковедческого плана), однако они касаются второстепенных деталей. Ведь К. Г. сосредоточивает внимание не на текстологии юридических памятников, а на сравнительном анализе их содержания. Монография написана понятным неспециалисту языком, отличается взвешенностью суждений по дискуссионным вопросам. Итоговый вывод автора — разнообразие правовых систем, существовавшее в рамках единой Церкви, лишь обогащало церковную культуру (р. 234) — имеет в свете современного межцерковного диалога не только научную, но и практическую значимость.

А. Г. Бондач

²² См.: *Παπαστάθης Χ. Κ.* Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίᾳ. Θεσσαλονίκη, 1978. Σ. 52.

²³ *Максимович.* Паннонские юридические памятники. С. 36.